

необходима, чтобы непременно произвести ее, а между тѣмъ она очень опасна; на это воля отвѣчаетъ: все таки хочу операціи. Мысль еще убѣждаетъ: вѣдь всѣ не совѣтуютъ, и сами медики не совѣтуютъ объясняя опасность операціи, и представляя доводы о полной возможности и цѣлесообразности не прибѣгать къ ней: а воля все таки отвѣчаетъ: нѣтъ: я хочу операціи и т. д., пока наконецъ воля окончательно заявить: что бы тамъ ни было: дѣлайте операцію, хотя я и самъ сознаю что не слѣдовало бы. Таково первенство и значеніе, и права, и сила воли, но только въ объектѣ собственнаго я, никакъ не далѣе. По этому геній тотъ человѣкъ, который воспитываетъ свою волю въ духѣ уваженія своей же мысли, т. е.: своего ума; своего же сотрудника, совѣтника, во всемъ помощника и вообще дѣятеля. А простофиля или меланхоликъ тотъ человѣкъ, который воспитываетъ свою волю въ духѣ уваженія своей чувственности и чужихъ не взвѣшенныхъ идей, въ ущербъ ума своего. Сужденія чувственныхъ людей отъ духа злого, они какъ превратные: не вѣрны, вредны и недостойны сочувствія благоразумныхъ людей, и всегда Богопротивны происходя отъ дьявольскаго духа (плоть безъ дѣйствія духа разсуждать не можетъ).

Въ свою очередь мысль хотя и подчиняется волѣ, но если она не односторонне дѣятельна и трудолюбива, т. е.: если, она не держится лѣнивой поверхностности или при стараніи въ обсужденіи вопросовъ, то сталкиваясь съ притязаніями злой своей воли, при совѣщательности съ нею мыслию, часто до тѣхъ поръ домогается въ своихъ умныхъ протестахъ, пока таки воля пойдетъ на уступки, и согласится съ доводами мысли, давъ свое рѣшающее заключеніе согласное